

Константин Герасимов

Не будет заблуждением полагать, что высказанное 60 лет назад Максимилианом Волошиным мнение: “Я ведь до сих пор существовал вне критики. Меня много ругали и поносили, но никто не взвешивал”,¹ сохраняет во многом справедливость и поныне. Наше литературоведение все еще в долгу перед одним из замечательнейших русских поэтов XX века, ибо для глубокого, на современном научном уровне освоения поэтического наследия Волошина в целом – и его творчества как выдающегося мастера русского сонета в частности – сделано пока крайне мало.

Это нетрудно проследить на примере одного из шедевров – и не только поэта Волошина, но и всей русской поэзии начала XX века – венка сонетов *Corona Astralis*.

Известно, что венок сонетов – изысканнейший и совершеннейший вид поэтического искусства, предъявляющий к создателю своему самые высокие требования. Лишь подлинное мастерство и безукоризненный вкус способны, одухотворяя ассоциацию сонетов, сплетенных далеко не по случайным, хотя и кажущимся неискушенному читателю чисто формальным признакам, превратить цикл в высокохудожественное целое.

Corona Astralis – один из первых в истории русской поэзии (наряду с Венком сонетов Вяч. Иванова, тоже созданным в 1909 году) оригинальных опытов подобного рода, причем опыт, заслуживающий и помимо этого факта пристального внимания как одно из самых совершенных явлений во всей 250-летней истории русской сонетистики. Тем более поразителен тот факт, что этот выдающийся по своим достоинствам стихотворный цикл до самого последнего времени либо существовал вне

¹ Цит. по изданию: Г. Ланин, Писательская судьба Максимилиана Волошина, М. 1927, с. 17.

поля зрения критиков, предпочитавших считать его “яко же не бывшим”, либо подвергался “взвешиванию” на весах довольно своеобразных. Очень немногие поэты были наделены волошинской широтой художественного восприятия бытия во времени и пространстве, что, несомненно, есть достоинство подлинно философской лирики, не имеющей ничего общего ни с “созерцанием” надуманных “книжных” миров и эпох, ни с путешествиями по “временному космическому миру”² – неким “ретроспективным космоизмом”.³ Можно привести немало примеров для характеристики распространяемого и поныне мнения о *Corona Astralis* как только о средоточии эзотерических абстракций, теософско-антропософской мистики, инородном индуистско-брахманистско-буддистском теле в истории русской поэзии. Нередко лишь о пейзажных стихотворениях Волошина (безусловно высокохудожественных) можно прочитать одобрительные слова как о высшем достижении поэта. При этом забывается, что историзмом, масштабностью своего поэтического мировидения (это несомненно достоинство, а не недостатки поэзии, претендующей на то, чтобы не только называться, но и быть высокой) Волошин был обязан всей своей энциклопедически многогранной, широчайшей образованности, всей своей выдающейся эрудиции.

Остается удивляться тому, что почти во всех характеристиках цикла *Corona Astralis* упускается из виду главное, бесспорное, что определяет суть этого венка сонетов. Каким образом знакомство Волошина с получившими распространение в те времена идеями антропософии, если даже это знакомство и может быть обнаружено в его цикле, могло совершенно заслонить в глазах исследователей тот факт, что *Corona Astralis* – прежде всего прекрасный образец русской любовной лирики? Бесспорно и то, что вместе с тем это и новая вершина воплощения одной из характернейших, заветнейших для русской поэтической (и сонетной!) традиции тем – темы поэзии, поэта, призвания и судьбы его. Каким непостижимым образом это могло ускользнуть от внимания большинства исследователей, остается загадкой.⁴

² История русской поэзии 1917-1941, Ленинград, Наука, 1983, с. 271.

³ Там же, с. 147.

⁴ В качестве счастливого исключения необходимо упомянуть здесь справедливое мнение Т. А. Кошемчук о “дерзании” поэта, обреченного одиночеству “сурового и строгого пути” вечных исканий (См.: Т. А. Кошемчук, Сонет М. А. Волошина “Над зыбкой рябью вод...” в сб.: Анализ одного стихотворения, Ленинград, Изд. Ленинградского Университета, 1985, с. 223).

Видеть мир во временной и пространственной перспективе, а не только в его очевидной “сиюминутной” настоятельности – удел поэта-мыслителя, поэта-философа, обреченного знать и помнить многое. Венок Володина – о поэзии, о поэте, о его судьбе одиокого скитальца, искателя, о его обреченности на “темные восторги расставанья”.

Известная Володину многовексовая традиция восприятия на Востоке образа поэта как странника (назовем из всей бесконечной череды этих “вечных скитальцев” хотя бы китайцев Цюй Юаня Ду Фу, японцев Сайге и Басе) вряд ли заставила его забыть строки пушкинского сонета “Поэту”: “Ты царь: живи один. Дорогою свободной Иди, куда влечет тебя свободный ум...” Отметим, что в одном из программных стихотворений творческий путь поэта виделся Пушкину именно дорогой. Уж конечно, “Школа западной и восточной культуры, которую прошел М.Володин, не обрубилa его корневые связи с русской жизнью и русской культурой”.⁵ И надо ли добавитъ, что число примеров из русской поэзии, уподобляющих жизнь поэта дороге страствий, можно было бы умножить?

За два с половиной столетия своего существования русский сонет не знал более блестящей поры своего развития, чем конец XIX – начало XX века. Совершенный в своей отточенности лирический жанр, строфа поэтов-мыслителей, сонет обретал в творчестве уникальной плеяды мастеров “серебряного века” русской поэзии – Вяч. Иванова, Бальмонта, Бунина, Брюсова, Володина и других – невиданное до тех пор совершенство, раскрывая невиданные до тех пор возможности. Явление это далеко не случайное и нуждающееся в специальном исследовании. Тогда же появляются и первые русские венки сонетов. Справедливо замечание Л. Тимофеева: “...венки можно считать видом лирики, которую можно назвать интеллектуальной лирикой, имеющей философский характер, ставящей большие жизненные проблемы, захватывающей важные стороны жизненного процесса...”⁶ Учитывая все возрастающий интерес к этой вершинной форме “интеллектуальной лирики”, малое количество специальных исследований теории венка сонетов на русском языке следует считать немалым упущением нашей стиховедческой науки.

⁵ Ал. Горловский, Гютчев и Володин, в сб.: Володинские чтения. М. 1981, с. 58.

⁶ “Литературная учеба”, 1985, № 1, с. 100.

но интереснейшие наблюдения уже делаются. Так, в статье С. Д. Титаренко «Венок сонетов Валерия Брюсова (“Светоч мысли”)», предназначенной для очередного (восьмого) тома Брюсовских чтений, читаем: “Содержание венка сонетов несводимо к сумме смыслов отдельных сонетов. Конструкция венка сонетов сама обладает определенной семантикой (...), иначе говоря, структура венка сонетов “смыслопосна”. Заслуживают внимания и наблюдения над структурой венка сонетов, содержащиеся в неопубликованной статье Т. А. Кошемчук «Венок сонетов М. Володина “Lunaria”».

Венок Corona Astralis отличается высочайшими поэтическими достоинствами. Передко в иных венках сонет с его кристаллической стройностью логико-образной диалектической структуры беднее, утрачивая то, что делает совершенный сонет миниатюрной вселенной – и замкнутой в своей завершенности, и обещающей еще большее за последней строкой. В Corona Astralis отдельные сонеты не утрачивают своей самостоятельности, не растворяются в венке как его части, не имеющие значения вне единого целого. В то же время содержание Corona Astralis “несводимо к сумме смыслов отдельных сонетов”. Совершенство целого освещает каждый из составляющих это целое новым цветом, заставляет его переливаться новыми красками.

В первых шести сонетах Corona Astralis слова “поэт” нет, лишь последняя строка седьмого раскрывает смысл всех “мы” предшествующих сонетов: “Мы” – это “Изгнанники, скитальцы и поэты”. Но уже в сонете 3 обречение поэтического вдохновения приравнивается к преображению Христа: “По тех ночей, разверстых на Фаворе, Блеск близких Солщ в душе не победит”. “Ближние” Солща (как составная часть образно-аллегорического ряда “Солнце – земля – земная любовь”) меркнут перед Солщами полночными, т. е. звездами (ряд “звезды – вселенная – путь поэта”). Гимн звездной вселенной – сонет 4. Насыщенная, концептрированная аллегорическая образность текста венка потребовала бы пространный комментарий к каждой строке, если не к каждому слову!

Сонеты 7-11 – гимн поэтам – тем, “Кому земля – священный край изгнания”. Поэты – носители памяти человечества о былых существованиях; они – скитальцы, обреченные “Мечтам всех троп, – сомнеьям всех дорог...” (сонет 8). Поэт – провидец. Он может быть ослеплен светом земного дня, может забыть начертание письмен всезнания, но “Он тот, кому погибель не дана”: поэт бессмертен.

Сонеты 12-14 – о том, кто “не пошел искать земной улады Ни в плясках жриц, ни в оргиях менад”, о том, кому “в любви не радость встреч дана” (сонет 12), кто избрал “темные восторги расставапья” (сонет 13). В сонете 14 – вновь “мы”: “Мы шепчем всем пенужные признанья” (поэт в любви счастья не обретет); “От милых рук бежим к обманшым снам” (вновь мотив бегства от земного счастья обреченного за “дерзание” стать творцом – “возмездно” одинокого пути); “Не видим лиц и верим именам” (высшая реальность для поэта – слово); “Томясь в пути напрасного скитанья” (путь поэта к необретаемому совершенству напрасен). И, согласно венковому канону, этот сонет завершается первой строкой первого сонета:

Стремя свой путь в пространствах вечной тьмы, –
 В себе несем свое изгнанье мы –
 В мирах любви неверные кометы!

Монолог закончен, в своем последнем слове осужденный на одиночество поэт винит лишь себя, обреченного нести в себе свое вечное изгнание.

Пятнадцатый сонет – магистрал – образец поэтического мастерства Володина; поразительна “емкость” его образности при предельном лаконизме, он – и квинтэссенция текста всех предшествующих сонетов, логическое завершение, и итог венка на качественно новом понятийном уровне, подготовленном и обусловленном всем предшествующим. Комментарий к магистралу мог бы превзойти его по объему во многие десятки раз... предоставим компетентному читателю самому испытать удовольствие, открывая за каждым образом этого сонета все новые, уходящие в необозримые дали перспективы, тем более, что восприятие текста подобной сложности не может не быть в чем-то и субъективным. Каждому, способному приобщиться к Космосу володинского венка, дано будет увидеть в нем узоры созвездий, особенно близкие и понятные одному ему.

Русская (и мировая) сонетная поэтическая традиция необозрима и не может быть сведена к кругу нескольких исследуемых тем; однако особую роль в ее истории суждено было сыграть любовной лирике. Дialeктическая структура сонета с лежащим в основе ее двуединством антиномичного как бы создана для вечного – от Петрарки и Шекспира до Брюсова и Володина – интерпретирования катуловского “*odi et amo*”, извечной парадоксальности мира страстей, рождаемых тою, кто в сонете Брюсова Женщине (1899) “от века убрана короной звездной”. Поистине,

комментаторам “Звездной короны” Волопина нужно было ухитриться не заметить третьего слова первой же строки этого венка – “любви”... С того, что *Corona Astralis* – волопинская интерпретация многовековой традиции любовной лирики следовало бы начинать любое исследование этого цикла сонетов ... В 134-м сонете Петрарки (Я мук своих хочу) и 150-м (Так бесконечно обаянье зла) предвосхищены волопинские – по уже иные – “земные восторги расставанья” (сонет 13). И уже совсем иной смысл в сравнении со словами того же сонета Петрарки – “Ни узник я, ни вольный” – вкладывает Волопин, несмотря на почти дословное сходство, – в строки сонета 7:

И никогда ни счастье этой боли,
 Ни гордость уз, ни радости неволи,
 Ни ниц экстаз безвыходной тюрьмы

Не отдадим за все забвенья Леты!
 Грааль скорбей несем по миру мы –
 Изгнанники, скитальцы и поэты!

Здесь все – иное: пост счастье боли своего одиночества, одиночества своего “певучего духа”, не отдаст (такова плата!) за забвение в любви, не повторит вслед за лермонтовским Демоном: “Я позавидовал невольно Неполной радости земной” – или: “Твоей любви я жду, как дара, И вечность дам тебе за миг...” Не было еще в русской поэзии ничего, подобного волопинскому циклу сонетов о любви, увенчанному звездной короной не возлюбленную поэта, но – поэта, “Кто, как Орфей, нарушив все преграды, Все ж не извел родную тень со дна” (сонет 12). И, наконец, – в сонете 13 – сознательно избираемое одиночество пути поэта, некогда – в почках откровений на Фаворе – причастившегося звездному миру поэтического творчества, его “последнее страданье”, приравненное к мукам распятия, его Искупление – плата за избранничество. И – жажда этой муки (за которой – бессмертие!), но не “мирного пути блаженства” – в любви.

Итак, речь идет о другой, также неисчерпаемой в своем многообразии – и еще более значительной для Волопина теме судьбы поэта, его призвания, сочетающейся в его венке с любовной. От радостей (но и мук, и рабства) земной любви к звездным мирам поэзии – вот суть сути *Corona Astralis*. Сонет с его поистине беспредельными возможностями исповедального самовыражения не мог в истории мировой лирики не стать воплощением поэтического осознания парадоксальной сущности

вселенского бытия в целом, индивидуального бытия модели Космоса – отдельной души – в частности, а души поэта – в особенности.

Еще один – значительный – аспект венка Волошина – астральный. Волошин – один из самых “звездных” русских поэтов, и в его венке, где все или почти все аллегорично, всезвездная вселенная – это мир поэзии. Идея пути поэта как вечного странничества и среди людей и во всей Вселенной – одна из доминантных в его поэзии. В поисках образа, достойного того, что для Волошина было его призванием, его судьбой, было для него заветнейшим, наивысшим, он не мог найти ничего, “выше звездного неба над нами” (Кант). Так, в поисках самой высокой, сакральной системы образов Пушкин обращается в “Пророке” к образам Ветхого Завета.

В венке Corona Astralis того, “кому в любви не радость встреч дана” – поэта, вечного странника, обреченного “мечтам всех троп, сомненьям всех дорог”, от земного, дневного мира золотых солнечных лучей – и земной любви – малят светлы “полночных солнц” – звездные миры поэзии. Венок был в свое время посвящен Е. И. Дмитриевой, с которой в силу ряда причин поэту суждено было расстаться.

Образ “неверной” кометы, возникающей в первой же строке первого сонета не случаен: и он традиционно в русской поэтической (и сонетной!) традиции символизирует вольный, свободный путь (по по обычным, “проверенным орбитам”) – “изгнанников, скитальцев и поэтов”. Волошинские кометы

Стремят свой бег: от солнца снова в ночь,
Вдаль, по путям парабол безвозвратных...

В ночь, вдаль, т. е. туда, где “алмазных рун чертеж” – в мир звезд, мир поэзии.

То, что “Человек – странник: по земле, по звездам, по вселенным. Человеческий дух древнее, чем земля и звезды”⁷ – можно понимать буквально, в оккультном смысле. Но не странствует ли человеческая мысль, раздвигая пределы ноосферы, мысль, не знающая границ во времени и пространстве, в бесконечных просторах вселенных, неведомых древним

⁷ Из неопубликованного предисловия Волошина к сб. Иверии - “Предварение” (цит. по изд.: М. Волошин. Стихотворения, Л. 1982, с. 378).

мистикам? Всечеловеческая “Память поэта Волопина – память человечества, дарованная ему мощью его эрудиции, освоением всего богатства знаний – в частности, знания о том, что древнее, чем земля и звезды. “Всемирное” космическое бытие разума – область того, “кто видит сны” всех веков и народов “и помнит имена” всего бывшего и всего сущего, “кто слышит трав прерывистые речи” (как пушкинский Пророк – “дольней лозы прозябанье”), “Кому ясны идущих дней предтечи” – т. е. обладающего историзмом поэтического мышления, лишённого “сиюминутной” упрощенности. Кому-то “надмирное бытие” сонетов *Corona Astralis* могло показаться абстрактным “мифотворчеством и формотворчеством”. Но ведь бесспорно, что “субъект все в большей степени включается в картину мира: если классическая наука создавала насквозь объективистскую картину мира, современное естествознание отказалось от установки на такой безусловный объективизм (...), для художественной интуиции характерно ощущение нераздельности субъекта и объекта, слиянности всего сущего”.⁸

Поэт, способный отразить в своем творчестве бытие во всей его недостижимой для примитивных средств выражения сложности, вправе мечтать о читателе, способном подняться до его уровня, оценить идейно-образное богатство его творений. Свободное владение достоянием мировой культуры – не эстетство, а всеобъемлющий историзм поэтического видения мира в его бесконечности – не отчуждение от современности. Книжность поэтической культуры Волопина явная: не книжной культуры, впрочем, со времен Кирилла и Мефодия (в “чистом виде”) нет; отсутствие “книжной культуры” у читателя вернее было бы определить как отсутствие культуры. Мнение же, что *Corona Astralis* уводит от действительности, углубляя склонность к эстетизму, верно лишь в том отношении, что этот вспок уводит малоподготовленного читателя от примитивного уровня привычных для него образцов к более высокому – в любом плане, в частности, в эстетическом.

Поэтический космос венка *Corona Astralis* великолепен. “Смысленность” этого венка, построенного из канонически совершенных, “строгих” сонетов, быть может, лучших за всю историю русской поэзии, даст читателю “представление о наиболее сущностных гармониях Космоса,

⁸ Ю. В. Линник, Эстетика парадокса, в сб.: ИТР и развитие художественного творчества, Ленинград, Наука, 1980, с. 56-57.

которые делают мир именно Космосом, средоточием порядка и красоты”.⁹ Слиянность мира души “изгнанника, скитальца и поэта” с миром звездной вселенной его пути познания и творения стирает между ними границы: “Так будь же сам вселенной и творцом” – вспомним эту строку Волошина из его цикла “Путями Каина”...

Поэтический Космос венка Corona Astralis парадоксален, как парадоксальна сущность бытия; он сложен, однако, его творец был (как Бог в известном афоризме) “изобрет, но не злонамерен”. Как не вспомнить вновь блестящий каскад парадоксов 7 сонета, в терцетах которого – “счастье боли”, “гордость уз”, “радость неволи”, “экстаз безвыходной тюрьмы”? Сонет – диалектическая форма, сулящая еще неоткрытые перспективы интеллектуальной поэзией дали: он – “полный жизненных сил жанр лирики XX века с неисчерпаемыми потенциальными возможностями”.¹⁰

Разумеется, для того, чтобы сонет стал “воплощением поэтической мудрости” (И. Бехер), мудростью должен быть наделен его создатель. Возможно ли это без обращения к опыту прошлого? Поэтическая мудрость Волошина – в его стихах. Вдумчивое восприятие бесчисленных культурно-исторических и эмоциональных пластов Corona Astralis, сопереживание с автором полифонического единства их антиномичности вводит нас в мир высоких гармоний поэтического Космоса Волошина.

⁹ Ю. В. Липшиц. О взаимодействии гуманитарной культуры и естественных наук на понятийном уровне, в сб.: Художественное творчество, Ленинград, Наука, 1982, с. 92.

¹⁰ К. С. Герасимов. Диалектика канонов сонета, в сб.: Гармония противоположностей. Аспекты теории и истории сонета, Изд. Тбилисского университета, 1985, с. 47.

